

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ЗВЕЗДЫ НАД СТОРОЖКОЙ

Рассказ

Иногда мечты сбываются. Я не буду рассказывать о том, как, и при каких обстоятельствах, это происходит. И о том, что порой это уж очень непростые мечты, тоже не буду.

Да, это происходит чрезвычайно редко.

Но случается.

Случается...

Устал. Я очень устал от этой дикой бесконечной гонки вверх и вперед, от этой борьбы за то, чтобы считаться успешным и преуспевающим. Мне некогда расслабиться и отдохнуть. Некогда оглянуться вокруг. Нет лишней минутки замереть и присмотреться – что происходит рядом, чем живет мир. Отправляется в свой последний полет осенний лист, радуга мостом стоит над городом, первые снежинки падают на мерзлую землю... Нет времени проникнуться этими чудесами. Вкусить так любимое в детстве лето тоже нет времени, потому что отпуска как такового нет. Нужно работать. Много и с полной отдачей. Если остановишься – смерть. Часы тикают «тик-так» и подгоняют «давай-давай». Часы сжигают мою жизнь. Может не часы сами, но они выступают убийцей моего существования, а заказчик... Может быть работа? Или общество, в котором такие суровые законы? Или что-то еще. Не знаю.

Не знаю, и знать не хочу! Сегодня по крайней мере.

Сегодня я в гостях у прошлого. У меня отпуск. Долгожданный выходной. Подарок судьбы или даже чего-то большего, чем судьба.

Исполнившееся желание.

Мне двадцать два. Я совсем недавно закончил институт. Я еще не нашел постоянной работы. Я подрабатываю ночным сторожем в гараже. Я люблю смотреть на звезды, что висят ночью над моей сторожкой; мы смотрим на них вместе с местной кошкой. Я сочиняю стихи и играю на гитаре. Я влюблен в одну девчонку по имени Лариса и, похоже, у нас все серьезно. Еще я изучаю компьютер. Пью с друзьями пиво. И читаю книги.

Я живу и не спешу. Никуда еще не спешу. Фантастика, правда?

У меня всегда находится минутка прислушаться к шуму дождя, притормозить у цветущего куста, поглазеть, прищурив глаз, на бегущие вдаль облака. Хватает времени посидеть, разучивая на гитаре какую-нибудь песню и подыскать нужную рифму, когда сочиняю стихи. Прочсть книгу – не проблема, а, может быть, и перечитать ее через какое-то время. Я еще умею фантазировать, а планировать дела еще совсем не умею. Процесс для меня имеет пока большее значение, чем результат.

Мне некуда спешить, даже если меня ждут.

Счастье?

Да, но оно становится таковым только после утраты.

Не хочется о грустном.

Я молод и бодр, и целый день в моем распоряжении. День без каких-либо серьезных дел и обязательств.

Умыться, ощущая прохладу воды на лице. А лучше принять душ. За окном жаркий август. Я только что пришел с ночного дежурства, но я этого не помню. «Я» из будущего,

отстоящего более чем на пятнадцать лет от данного момента, начинает жизнь именно в тот миг, когда струя из крана ложится в ладони, и ладони бросают ее в лицо, еще и еще, смывая сон и усталость.

Возможно, если бы не мое появление, я-двадцатидвухлетний лег бы вздремнуть до обеда, но мне не хочется спать. Работа в гараже у меня тихая, ночной сторож не обязательно бодрствует от заката до рассвета. В добавок к этому я-взрослый был вынужден превратиться в истинного «жаворонка», чтобы все успевать. Короче, спать не хочется.

Какой там спать!?

Пятиминутный контрастный душ, и я иду на кухню. Каждая клеточка моего организма наслаждается тем, что не нужно спешить. Быстро разогреть что-нибудь из полуфабрикатов, закинуть в себя, не ощутив настоящего вкуса продуктов, и бежать, бежать... Нет, только не сегодня! Как давно я не получал удовольствия от процесса. Процесса вообще. Процесса с большой буквы. Везде же нужен только результат, итог, отметка: «Достиг! Справился! Дальше!».

А тут...

Я ставлю чайник. Не электрический, за которым не нужно следить (он сам выключится и подаст сигнал, когда все будет готово), а обычный. С длинным носиком и подкопченным боком. На газ. Газ горит красиво. Можно не стыдясь потратить несколько секунд и понаблюдать за голубыми язычками пламени. Представить, как сейчас распространяется тепловая энергия, и вспомнить забытую физику.

Смеюсь.

Достаю нож, и какое-то время сосредоточенно затачиваю его на точильном камне, чуть смоченном водой. Сначала одну сторону, потом другую... Приглядываюсь к лезвию. Пробую. Вот теперь порядок!

Я делаю салат. Нож режет легко и ровно. Я невольно люблю кусочками огурца, ломтиками помидора, кружочками лука и перца. Все в салатницу. Зелень, соль, майонез. Перемешиваю. Тщательно перемешиваю, мне некуда торопиться.

Бутерброды. Они получаются у меня многослойными и будут бесподобно вкусными.

Улыбаюсь, вспоминая загодя порезанные и запакованные хлеб, сыр и ветчину, которые я покупаю в супермаркете в свое время. Чтобы удобнее и быстрее. Абсурд!

Какое тайное удовольствие я сейчас получаю, размазывая масло по прямоугольнику черного бородинского хлеба, отрезанного не по стандарту машины где-то на хлебопекарне, а по моему собственному стандарту. То же касается колбасы и сыра. Сверху веточка петрушки и полоска кетчупа. Не пойму, то ли кулинар я, то ли гурман.

Томатный сок. Из холодильника. Взбалтываю, пробую, решаю добавить еще чуть-чуть соли. Снова мешаю. Да, так лучше. Прекрасный цвет. Сочный, насыщенный, вызывающий ассоциации. Любуюсь, держа стакан в вытянутой руке. Просто так любуюсь.

Со стороны плиты раздается свист. Я достаю заварочный чайник, по всем правилам ополаскиваю его кипятком, потом кидаю туда крупнолистовой чай из пачки и три веточки мяты для аромата из газетного свертка, что передал дедушка. Заливаю, закрываю и оборачиваю полотенцем. Чай не терпит суеты. Чаепитие на Востоке вообще особый ритуал. В чайхане не принято спешить. Счастливые люди!

Ставлю заварник в сторону. Пусть настаивается. Я буду пить чай днем. Холодным. С лимоном. Это не по-восточному, но для меня самое то!

Бутерброды. Салат. Томатный сок. Телевизор, показывающий старый добрый фильм. Здорово!

И самое главное – никаких нервов и никакой спешки.

Музыка. Мне хочется музыки. Я выключаю телек и включаю магнитофон. Присаживаюсь на пол напротив своей коллекции кассет и погружаюсь в nirvanу. Скоро они исчезнут – аудиокассеты – они уже почти исчезли. Им на смену пришли компакт-диски и цифровые носители. Но пока еще магнитная лента держит оборону. У меня кассет много, есть из чего выбрать. Я и выбираю. Открываю коробочки, читаю названия, некоторые ставлю послушать, вспомнить. Сколько так проходит времени? А я не считаю. Не нужно мне это сегодня.

Магнитофон звучит неидеально. Я играю с эквалайзером, останавливаюсь на несимметричной впадине – оптимально для рока, который я люблю... Любил тогда.

Еще чуть-чуть басов. Вот так-то лучше. А чтобы было вообще супер, нужно разнести колонки подальше – давно собирался это сделать.

Спрашиваю себя: «Оно мне надо?». Отвечаю загадочно сам себе: «А фигли!?».

Со шкафа и серванта колонки играют лучше. Проводов не хватило, пришлось удлинять. Вспомнил (интересное выражение, учитывая, что «воспоминание» здесь еще не произошло), как хотел купить дорогуший шнур в какой-то там золотой оплетке для домашнего кинотеатра. Мог себе позволить. Но зачем это все, когда нет времени ни музыку нормально послушать, ни фильм посмотреть. Приходишь поздно вечером, падаешь в кресло – и засыпаешь.

Музыка пятнадцатилетней давности разбредила сердце. Ностальгия...

Я лезу в стол и вытаскиваю оттуда папки с разными вещами – старыми конспектами, какими-то блокнотами, записками, черновиками стихов и рассказов, фотографиями. Располагаюсь со всем этим добром на диване. За моей спиной медленно колышется занавеска, прикрывающая вход на балкон. Там плавит мир жаркое солнце, что-то щебечут птицы и дети. Там хорошо, как бывает хорошо ясным летним днем, но мне не очень туда хочется. Дома прохладно. Дома здорово!

Дом. Не обстановка в нем главное, не количество денег, угроханное в ремонт, а атмосфера, люди, чувства, которые живут в этих стенах. Я знаю, что уйду, не дождавшись прихода мамы и папы с работы. Я не увижу их. Это выходит за рамки подарка судьбы.

И улица, если разобратся, тоже вне этих рамок.

Поэтому я туда не пойду.

Тетрадные листики, а на них строчки. Стихи. Некоторые так себе, а некоторые очень даже ничего. Я читаю их, радуясь, что мне выпало это счастье – окунуться в поэтическую молодость, посмаковать слова и рифмы, поперекачивать их на языке. Напеть... Иногда я поглядываю в угол, где стоит гитара. Нет, я ничего уже не вспомню, слишком много времени прошло. И чужое тело мне не поможет, даже несмотря на мозоли на пальцах.

Фотки. Ну, с этим проще. В некотором роде проще, так как все они сохранились и в моем времени. Просто... Просто посмотреть их, пролистать... Ну, да, некогда. Если уж и на более важные вещи не хватает времени, куда уж там фотографии...

Одноклассники. Однокурсники. Родные. Друзья. Подруги. Она. Я нахожу Лариску на групповом снимке с какого-то пикника. Какая юная, соблазнительная! У меня перехватывает дыхание. Она же сейчас именно такая! Молоденькая, стройная, заводная, не та тетка, что холодно целует меня в щеку, не переставая болтать, что в доме нужно поменять и то, и это, и пятое, десятое. Другая. Поехать к ней прямо сейчас что ли?! Ах! Ну да! У нее же нынче болячка эта! Как же ее!? Стрептодермия, кажется. Пятна на шее и подбородке. Сидит дома, стыдится выходить. Ну, девчонка, понятное дело. А еще, конечно же, злится оттого, что из-за этой дряни ей не удалось поехать работать вожатой в детский лагерь. И к себе не пускает, утверждает, что меня может заразить.. Только и общение, что по телефону. Кстати, скоро позвонит. Как решит, что я выспался после дежурства.

Я закладываю руки за голову и остаюсь лежать на полу, куда я сполз, когда на диване стало не хватать места. Лежать среди разбросанных бумажек, фоток, кассет...

Как же хорошо!

Музыка играет. Шелестят листвой деревья за окном. Муха летает вокруг люстры. Занавеска шевелится. Узоры на ней то сгибаются, то распрямляются. Пылинки плавают в луче света. И я дома. По-настоящему дома.

Какое-то время я лежу, закрыв глаза, и раскладываю на составляющие музыку, льющуюся из колонок. Я мысленно захватываю звучание какого-то инструмента, «веду» его, вычлняя из общей композиции группы, потом беру следующий. Когда надоедает, разбираю по группам частот – высокие, средние, низкие. Вслушиваюсь. Когда-то все это было для меня легко и понятно. Я умел слышать музыку...

Встаю с пола нехотя. Просто кассета кончилась, а реверса на магнитофоне у меня нет. Ничего. Ведь мне не нужно сейчас экономить каждое мгновение. Переворачиваю «соньку» на другую сторону. Под ногами мешается какая-то толстая наполовину исписанная тетрадь. С краешка страницы выглядывают формулы. Конспект по «вышке». Я выдираю из него чистый листок, делаю из него самолетик, и пишу на боку синим фломастером слово «Мечта». Мысли о том, что это сделал взрослый зрелый мужчина, пусть и в обличье юноши, я отгоняю. Подальше.

«...Дальше. Как можно дальше» - шепчу я самолетику и отправляю его с балкона своего четвертого этажа в августовский полдень невероятно далекого для меня года. Порыв ветра подхватывает его, переносит через кривую вишню. Белый треугольник зависает на миг на фоне бледно-голубого неба и уносится куда-то вглубь двора.

Целых пять минут я решаю, а не пустить ли все конспекты на самолетики. Пять минут. Ну, да. Не меньше. Сложный ведь вопрос. Для сравнения – вывод, менять или не менять свою предпоследнюю машину, я принял за две минуты, а решение наказать подчиненного за пьянство на работе лишением премии потребовало и того меньше времени.

Но не хочу думать об этом здесь. Здесь я еще не прожженный коммерсант, поставивший успешность во главу угла, а пылкий юноша со взором горящим или что-то в этом роде.

Здесь все иначе.

Какое-то время я стою на балконе, ловя голым торсом прикосновения теплого ветерка. Оглядываю двор, в котором рос почти с рождения. У края спортплощадки, в тени, капитулировав перед жарой, сидят трое пацанят. Двое мужиков на лавочке пьют пиво. Михалыч (О! Вспомнил же!) моет свою «девятку». Где-то под крышей воркуют голуби. Мирно спит, не поддаваясь на провокации, соседский кот, развалившись в немыслимой для кота, но вполне оправданной по случаю жары позе.

Идиллия. Самая настоящая.

Я готовлю себе холодный чай и включаю компьютер. Да, раритетная штучка! Так долго грузится! Так мало памяти! Смешная тактовая частота. Тем не менее, орки и тролли бегают огого и шустро развивают инфраструктуру своего царства под аккомпанемент стука топоров. Победу над ними я одерживаю лишь с третьей попытки не без регулярных сохранений. Это, я считаю, еще хорошо для того, кто не играл в компьютерные игры, ну, пусть не пятнадцать, но лет тринадцать лет точно.

Играть... А когда мне этим заниматься!? Были бы еще дети, играл бы с ними... Но нет у нас со Лариской детей. Только дело, только бизнес.

Еще немножко я бегаю по лабиринтам, отстреливая монстров. Даже на одном из простых уровней меня валят, я никак не могу привыкнуть к управлению на кнопках. А ведь так лихо играл когда-то...

То же меню, что и на завтрак, у меня и на обед. Или на полдник, ибо за часами я совершенно не слежу, знаю лишь, что полдень уже давно позади. После трапезы я снова возвращаюсь к компьютеру.

В «Корэле», который я как раз изучал тем летом, я открываю последний файл и долго смотрю на авторскую открытку с авторским стихотворным поздравлением с годовщиной. Годовщина намечалась осенью, а открытка уже фактически готова и ждет своего часа. Сейчас, спустя черт знает сколько лет семейно жизни, мы с Ларой игнорируем не только дату знакомства. Мы и на дату свадьбы стали забывать. Хорошо еще дни рождения друг друга помним.

На открытке спереди ключевым элементом являются кленовые и прочие листья, сделанные градиентной заливкой от желтого к красному, а сзади – следы ботинок, исчезающие за краем. Символично.

Мне очень хочется изменить кое-что в этой открытке. Я подправляю размер полей, меняю цвет шрифта и добавляю тень. А еще я удаляю одно слово. Имя.

Диск с электронной библиотекой. Самая ценная вещь для меня тем летом. Я зачитал его до дыр, если это вообще уместно говорить по отношению к диску. Наверное, уместно. Дырка в нем-то уж точно имелась, да и заюзан он был так, что CD-ROM (восьмискоростной - представить только!) считывал его с трудом. Но считывал. И я погружался в мир литературы, которую бы никогда не смог собрать в бумажном виде на полке. Я читал с экрана, читал классиков фантастики и детектива, удивлялся отдельно собранным текстам на такие замечательные темы, как «приготовление взрывчатки в домашних условиях» или «техника предварительной любовной игры», проматывал энциклопедии и словари. Я посвятил немало часов аккордам и текстам любимых песен, и стихотворениям тоже. Больше всего хороших стихов оказалось у совершенно незнакомых авторов. Мне многое понравилось и запомнилось с того диска. Иногда я думаю, что он заменил мне целый курс литературы. А еще я думаю, что все было именно так, потому что у меня тем летом еще не было Интернета.

Я захожу в директорию авторов. Пролистываю, читаю, вспоминаю. Последнее удастся с трудом, слишком глубоко погребены под слоем другой информации в памяти эти тексты. Я не спешу, но знаю, что мне осталось совсем немного.

В разделе анекдотов я смеюсь от души, хотя все они для меня безумно старые, с нехилой такой «бородой». Но смеюсь. Даже пересказать хочется кому-нибудь.

Словно в унисон с этой мыслью звонит молчавший весь день телефон. Я знаю, кто это. Лариска, конечно же.

– Привет, Котик!

– Привет, Киска.

Ну, обычные муси-пуси на полчаса... Весьма трогательно. И смешно. Но я сдерживаюсь. Играю роль.

– Как – выпался мой Котик после работы?

– Да, все хорошо, не так давно встал, – не моргнув глазом, вру я, чтобы не объяснять, почему не позвонил, – перекусил, да за комп вот сел.

– А вечером что делать будешь?

– Поиграю, почитаю, побренчу.

– А завтра?

– То же самое. Пока ты не выздоровеешь.

– А ты не хочешь поискать работу?

Вот оно! Ждал я этого момента, ждал. Именно с него все началось. Лариса, мучившая меня уговорами о поиске настоящей работы, сегодня добила меня. Я поверил ей. Я поверил, что это действительно важно. Поверил, что без этого нельзя. Что для нас так будет лучше. Я променял звезды над сторожкой и звук струн на блеск золотой клетки и вечный бег в никуда без шансов порвать порочный круг.

Лариса между тем трещала в трубке:

– Понимаешь, Котик, нам нужно, чтобы ты нашел стабильную работу, чтобы были перспективы. У нас получится тогда снимать квартиру. Ты же у меня умница. Ты сможешь многого достичь. Нужно много работать, чтобы много получить. Музыка, песни – это же несерьезно. Этим не заработаешь на жизнь. Это хобби. Ну пусть у тебя будет такое хобби, но работа... У моего дяди на фирме есть вакансия...

Ага, конечно... Тем августом каждый вечер мне так хотелось поделиться всем, что случилось за день, рассказать, про что я читал, что я узнал нового, какие мысли меня посетили, какие чувства... Но Лариса не слышала меня. Не понимала. Не стало для меня это предупреждением на будущее.

К сожалению.

Я вздыхаю. Улыбаюсь. И, пытаясь быть спокойным, говорю:

– А иди-ка ты на х..., Киска!

И вешаю трубку.

Мне осталось совсем чуть-чуть побыть здесь. Очень скоро я исчезну, исчезну совсем, ибо я изменил прошлое. А значит там, ниже по реке времени, не будет усталого, заикленного на покорении высот, человека. Будет кто-то другой – талантливый музыкант или среднестатистический работяга.

Я не знаю, кем предстоит стать этому парню, улыбающемуся мне из зеркала.

Я смотрю на гитару в углу, представляя, как ее возьмет тот «я», которому сейчас двадцать два. Он обнимет пальцами гриф, коснется струн, расправит перед собой мятый листик с песней, которую сочинил вчера, сидя на крыльце своей сторожки, когда компанию ему составляли кошка, ночь и звезды. Он разучит эту песню, и будет ее петь. Будет петь и играть на гитаре, не забывая себе голову тем, что в этом мире главное – деньги, что в этом мире главное – успешность, что нужно бежать, пока не упадешь.

Сегодня, завтра, послезавтра. Сколько сможет.

Кто знает, может быть, и всю жизнь.

Мечты ведь иногда сбываются.